

ГРЕЧЕСКИЙ ОГОНЬ

Бюро аматорских расследований

Хомбак Евгений

Греческий огонь

<https://litres.ru/74390239>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марк Ветров и Алиса Веронина отправляются в Грецию. Для них это путешествие становится важным рубежом - местом, где их собственный союз обретает новые очертания, а привычные роли «аналитика» и «тепла» перестают быть единственной опорой.

Однако даже на солнечных берегах Эгейского моря они остаются теми, кто замечает то, что скрыто за внешним благополучием. Случайная встреча в туристической группе оборачивается для них неожиданным расследованием: за фасадом идеальной пары угадывается нечто, что не поддаётся простым объяснениям. Чем глубже они вглядываются, тем яснее понимают: забота может быть клеткой, а любовь - оружием.

«Греческий огонь» - это психологический детектив о том, как трудно отличить настоящую близость от одержимости, и о том, что даже в отпуске правда требует, чтобы её увидели. А ещё - о том, как два человека, научившись слышать друг друга, могут помочь тем, кто разучился дышать.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1	11
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Греческий огонь

ПРОЛОГ

Двенадцатый день

Эгейское море. Восточное побережье Греции. Маленький остров. Март здесь был не курортным, а настоящим: холодным, ветреным, но до того золотым, что даже воздух казался тягучим, как мёд. Тот самый свет, о котором пишут в путеводителях, но который нельзя передать ни на одной фотографии — он делает тела похожими на античные статуи, а тени — длинными, как судьбы. Свет, от которого даже Марк Ветров — человек, проживший 39 лет в схемах, анализе и «правильных» решениях — впервые в жизни не выглядел чужим на этом берегу. Если не считать того, что он стоял босиком на мокром камне, в закатанных брюках, без очков, щурясь на солнце, как сытый, но крайне смущённый кот.

Алиса стояла рядом, тоже босиком, с распущенными волосами, в платье, которое ветер надувал парусом. Они только что вышли из воды. Нет, не «купались» — в марте в Эгейское море не купаются. Они просто зашли по колёно, потом по пояс, и вышли. Вода была холодной, от неё захватывало

дух, но им впервые не нужно было «доплыть до середины» или «покорить стихию». Им нужно было просто быть.

Марк, выбираясь на берег, поскользнулся. Не упал, но взмахнул руками так, как будто пытался взлететь. Одна нога осталась на камне, вторая отчаянно искала опору в воздухе, и вся эта конструкция напоминала фламинго, который внезапно осознал, что он не птица, а человек.

Алиса засмеялась. Громко, тёплым, настоящим смехом, от которого у Марка покраснели уши — до макушки, до затылка, до самых кончиков пальцев на ногах, которые он, к своему ужасу, никак не мог скрыть. Марк Ветров не краснел. Марк Ветров 39 лет анализировал чужие отношения и ни разу не чувствовал себя настолько неловко и одновременно — настолько счастливо.

— Шерлок, — отсмеявшись, сказала Алиса, и он понял, что она говорит это не для того, чтобы подколоть. А чтобы просто сказать. — Ты как фламинго. Красивый, грациозный, но абсолютно беспомощный.

— Я не фламинго, — с достоинством, какого в этой ситуации не могло быть, ответил Марк, всё ещё стоя на одной ноге. — Я человек, который изучает биомеханику потери равновесия. Это научный эксперимент. С повторяемым резуль-

татом.

— Ты человек, который чуть не упал в Эгейское море и держится, как фламинго, — парировала Алиса, и он заметил, что её глаза блестят. — На одной ноге. Ты так и будешь стоять? Или мне подать тебе руку?

Марк посмотрел вниз. Его вторая нога всё ещё висела в воздухе, будто ожидая команды. Он осторожно, как будто камень мог его укусить, поставил её на место.

— Я не фламинго, — повторил он, тише и без прежней уверенности. — Я аналитик. Который... — он запнулся, потому что слова вдруг перестали ему подчиняться, — который стоит на берегу и не знает, что делать дальше.

— Не знаешь? — Алиса улыбнулась той улыбкой, которую он видел всего несколько раз. Улыбкой человека, который знает что-то, о чём ты пока не догадываешься. — А я знаю. Ты просто стоишь. И я стою. И закат. И море. И нам не нужно «делать». Нам нужно быть. Вот это, Марк, и есть... настоящее.

Они стояли на берегу, и где-то вдалеке, на террасе отеля, Никос — их гид, который был настолько же хорош в своём деле, насколько у него было много зубов, — пил узо и рас-

сказывал кому-то из персонала историю про «двух русских, которые приехали на берег Эроса и, кажется, нашли его друг в друге». Персонал смеялся, Никос смеялся, и у него было слишком много тепла для простого гида.

Марк не слышал их. Он смотрел на Алису и думал: «Двенадцать дней назад я был в Петербурге. В Бюро. С доской, на которой я писал схемы. С кофе, который я пил, потому что привык, а не потому что хотел. С „правильно“, которое было моей единственной картой. А теперь я здесь. Босиком. Без очков. И я стою, и не знаю, что будет дальше. И это... не страшно».

Ветер бросил прядь волос Алисы ей на лицо, и она не убрала её. И он не убрал. Они стояли, и смотрели друг на друга, и молчали, и это молчание было не пустотой, а чем-то живым и тёплым, что медленно, но верно, вытесняло из Марка все схемы.

Потом Алиса сказала тихо, так, чтобы слышал только ветер:

— Марк, я никогда не чувствовала себя так.

— Как? — спросил он, хотя уже знал ответ. Он знал его с того самого момента, как она вошла в его кабинет полтора

года назад с двумя стаканчиками кофе.

— Как будто меня нет, но я есть. Одновременно. Как будто я — это ты, а ты — это я. И мы — это что-то третье, что больше, чем два человека, которые просто встретились.

Марк не ответил сразу. Он смотрел на море, на закат, на неё — на её профиль, на веснушки на носу, на губы, которые она чуть прикусывала, когда волновалась. Он чувствовал, как в груди, там, где по всем учебникам должна была быть четвертая функция — его слабый, детский Эрос, — разливается что-то новое. Не тепло. Не радость. Осознание.

— Это страшно, — сказал он наконец.

— Я знаю. Мне тоже.

— Нет, не «мне тоже». Это Эрос, Алиса. Настоящий. Не тот, про который я читал в книгах. Не тот, который я анализировал. Не тот, который есть в Аматорике. Тот, который впервые. Я 39 лет думал, что любовь — это функция. Я ошибался. Эрос — это не симпатия. Это когда ты — это я. И я — это ты. И мы — это что-то, что не помещается ни в одну типологию. Это жизнь. Вся. В одном моменте. В закате. В твоих волосах. В моей неуклюжести.

Алиса взяла его за руку.

— Я тоже не знала, — сказала она. — Я думала, что умею. Я ЭФАС, мой первый Эрос сильный, я думала, я — эксперт по любви. Я не была экспертом. Я была актрисой, которая играла любовь. А теперь я просто стою на берегу, и я не играю. Я есть. И ты есть. И мы — есть.

Они стояли на берегу, с мокрыми щиколотками, с плетёнными руками, с закатом, который медленно уходил в море, оставляя за собой небо, уже тронутое первыми звёздами. Где-то в кустах зашуршал ёжик. Маленький, греческий, с любопытным носом. Вышел на тропинку, обнюхал воздух, посмотрел на них, и, не испугавшись, остался. Алиса присела, протянула ему ладонь. Ёжик фыркнул, но не ушёл. Он как будто знал: эти двое не опасны.

Марк стоял и смотрел на Алису, на ёжика, на море, на звёзды, и думал: «Вот. Это жизнь. С ней. На берегу. С ёжиком. С закатом. С Эросом, который впервые не в книге. Во мне».

Они пробыли в Греции двенадцать дней. Двенадцать дней, которые начались с пролитого кофе и закончились здесь, на этом камне. Но на самом деле всё началось полтора года назад, когда она вошла в его кабинет. Когда он впер-

вые понял, что его «правильно» — это её «живо». Когда он впервые рискнул сказать «я тоже стою в прихожей и не могу двинуться».

Глава 1

Первые свидания

Петербург. Декабрь. Вторник. 19:00.

Марк Ветров стоял перед зеркалом в своей квартире на Мойке и в третий раз за последние полчаса менял рубашку. Первая — белая, строгая — делала его похожим на аудитора, который пришёл проверять отчётность. Вторая — голубая, с мелким рисунком — выглядела так, будто он собрался на корпоратив. Третья — серая, в тонкую полоску, — была, по его мнению, «идеально нейтральной». Но он уже пять минут сверлил взглядом своё отражение, пытаясь понять: не слишком ли нейтрально?

Марку Ветрову было 39 лет. Психолог-профайлер, Архитектор Отношений, человек, который за полтора года распутал три сложнейших дела и который на прошлой неделе впервые в жизни заплакал. Вслух, при Алисе. Человек, который впервые за долгие годы сказал «я не умею быть без тебя». Человек, который провёл 39 лет, выстраивая схемы чужих отношений, и теперь стоял перед зеркалом и не мог выбрать рубашку для первого свидания.

Его четвертый Эрос — та самая «Анима», детская функция, отвечающая за симпатию, влечение и всё то, чему его никогда не учили, — была совершенно беспомощна. Она наминала мышцу, которую не качали всю жизнь, и теперь, когда пришло время её использовать, она дрожала от напряжения и не знала, что делать. Марк знал, как «деловая встреча». Он знал, как «очная ставка». Он знал, как «разбор полётов». Но «свидание» — нет. Этого слова не было в его словаре. Он мог проанализировать чужую любовь до молекулярного уровня, но свою собственную он чувствовал так же неуклюже, как ёжик на льду.

На тумбочке лежал лист А4. «План №1». В трёх экземплярах. На случай, если кофейня на Рубинштейна окажется закрыта, или Алиса передумает, или начнётся апокалипсис. Марк сгрёб листы, сунул в ящик и закрыл его. Апокалипсис не начнётся. А если начнётся — кофе не поможет.

В 19:14 он вышел из дома. Ветер с Невы был колючим, обещая снегопад. Марк шёл по Мойке, мимо пекарни, где ещё горел свет, мимо бара, из которого доносился смех, и мимо вывески «Б.А.Р.», которая, как обычно, мигала одной буквой из трёх. Он не обратил на неё внимания. Впервые за полтора года. Он думал об Алисе, о первом свидании и о том, как впервые не «анализировать», а «быть».

В 19:27 он вошёл в кофейню «Coffee 22» на углу Рубинштейна и Жуковского. Маленькое, тёплое место с кирпичными стенами, джазом и запахом свежемолотого кофе. Три столика у окна. Марк занял последний, сел так, чтобы видеть дверь, и замер. Он чувствовал себя героем фильма, который ждёт главную героиню, и от этого чувства ему становилось одновременно смешно и страшно.

Она опаздывала. На семь минут. Марк успел достать телефон, проверить время, убрать телефон, достать снова и заказать кофе, который он даже не пригубил. Он смотрел на дверь так, будто от этого зависела его жизнь.

В 19:34 дверь распахнулась, и Алиса влетела внутрь — с мороза, с растрёпанными волосами, с пакетом из пекарни и с теми самыми красными щеками, которые делали её похожей на ребёнка, который только что набегался.

— Шерлок! Прости. Метро застряло между «Маяковской» и «Гостиным». Семь минут в туннеле. Я думала, умру — сначала от страха, потом от голода. Я принесла тебе миндальный круссан. И себе — с корицей. И кофе куплю. Тебе фильтр? Эфиопия? Без сахара?

Марк смотрел на неё, и слова застревали у него в горле.

Он видел её вчера. В Бюро. На «разборе полётов». Но там она была его партнёром. А здесь, в этой кофейне, с пакетом круассанов и снегом в волосах, она была другой. Живой. Настоящей. И он не знал, что делать.

— Марк? — Алиса помахала рукой перед его лицом. — Ты здесь?

— Да, — выдохнул он. — Да. Извини. Я просто... — Он запнулся, и вдруг его прорвало. — Я не умею.

— Что не умеешь?

— Свидание. Я не умею в свидание. Я три дня готовился. Репетировал: что сказать, куда повести, что заказать. Я три дня структурировал свидание, как деловую встречу. У меня был PowerPoint, Алиса. Не вру. С тремя вариантами маршрута и двумя вариантами заказа. А ты вошла — и всё. Структура рухнула. Стало легче. И страшнее. Одновременно.

Алиса села напротив, положила пакет с круассанами на стол и посмотрела на него с таким выражением, которое Марк не мог расшифровать. Но в нём точно не было осуждения.

— PowerPoint? — переспросила она с ноткой священного

ужаса.

— Да.

— С тремя вариантами маршрута?

— И двумя — заказа. На случай, если ты не захочешь круассан.

— Марк, — медленно сказала она, и уголки её губ дрогнули.

— Да.

— Ты псих.

— Я знаю.

— Нет, я серьёзно. Свидание — это не проект. Это когда два человека пьют кофе и разговаривают. И не знают, что будет. И это нормально. Это Эрос. Здоровый. Не «PowerPoint», не «План №1». Это живое.

Марк хотел возразить, сказать что-то про эффективность планирования, но слова застряли в горле. Потому что она была права. Всё, что он строил, все его схемы — они были

мертвы. А она, здесь, с круассанами и красным носом, была жива.

— Прости, — сказал он наконец. — За PowerPoint.

— Не «прости». Запомни. На будущее. Свидание — без PowerPoint. Без планов. Без «правильно». Это когда ты — это ты, а я — это я. И мы просто сидим и пьём кофе. И не флиртуем. Мы просто есть.

Марк улыбнулся. Маленькой, неуверенной, тёплой улыбкой. Улыбкой человека, который впервые позволил себе быть собой.

И в этот момент он потянулся за стаканчиком с кофе.

И задел его локтем.

Стаканчик качнулся, и тёплая коричневая волна плеснула через край — прямо на серые шерстяные брюки Алисы. Те самые, из «ЦУМа». За пятнадцать тысяч.

Пауза.

— О, — сказал Марк.

— О, — сказала Алиса.

— Извините, — забормотал Марк, вскакивая и хватая салфетку. — Извините, я неуклюжий, я... — Он начал вытирать пятно на её колене, потом понял, что трёт Алисины брюки в районе бедра, резко остановился, покраснел до ушей и рухнул обратно на стул, закрыв лицо руками.

Алиса смотрела на него. Сначала с удивлением. Потом с нежностью. Потом она засмеялась. Громко, звонко, так, что джаз заиграл громче, а официант обернулся. И Марк, услышав её смех, вдруг понял, что это не конец света. Что пятно на брюках, его дурацкая неуклюжесть и покрасневшие уши — это не катастрофа. Это просто жизнь. Самая настоящая, из которой убрали все схемы.

— Шерлок, — сказала Алиса, отсмеявшись и вытирая слёзы. — Расслабься. Это кофе. Не кровь. Не смерть. Не конец света. Ты не провалил свидание. Ты сделал его настоящим.

— Я хотел сделать его идеальным, — пробормотал Марк, всё ещё глядя на пятно на её брюках с ужасом и облегчением одновременно.

— Идеальное свидание — это скучно, — парировала Али-

са. — А настоящее — живое. И оно началось с того, как ты пролил на меня кофе. Это, Марк, и есть Эрос. Здоровый. Без PowerPoint.

Они сидели и молчали. Минуту. Две. И в этой тишине не было неловкости. Было тепло. Было ощущение, что всё именно так, как должно быть. За окном валил снег, джаз играл что-то тихое и тёплое, а Алиса смотрела на Марка с той улыбкой, которую он хотел запомнить навсегда.

Потом она сказала:

— Марк, знаешь, что я поняла?

— Что?

— Что свидание — это не «дело». Это когда мы пьём кофе, смотрим друг на друга, молчим — и это нормально.

Марк кивнул. Он чувствовал, как в груди, там, где по всем учебникам должна была быть его слабая, детская четвёртая функция, разливалось что-то новое. Тёплое. Живое. Он не знал, как это назвать. Но он знал, что это правильно.

Они проговорили час. Или два. О чём? Обо всём и ни о чём. О том, как Марк три дня готовился с PowerPoint, а по-

том всё забыл. О том, как Алиса три дня выбирала наряд, а потом одела первое, что попало. О том, как впервые оба не знали, что делать, — и это было хорошо.

А потом они вышли на улицу, в декабрьский снегопад. И Марк, провожая Алису до метро, остановился у фонаря и поцеловал её в щёку. Коротко. Тепло. Впервые.

И чуть не упал на льду. Схватился за Алису. И она, удерживая его, засмеялась. А он покраснел. Но впервые за этот вечер — не от стыда. От счастья.

На углу Рубинштейна и Жуковского, под фонарём, в снегу, они стояли и смотрели друг на друга. И Марк думал: «Вот. Это начало. Начала жизни».

Домой он вернулся в 22:14. Сел на кровать, долго сидел молча. Потом достал блокнот и записал:

«19:00. 20 минут до выхода. 19:14. Вышел. 19:27. Кофейня. 19:34. Алиса. Опоздала на 7 минут. С круассанами. С красным носом. С мокрыми волосами. Всё. Пролил кофе на брюки. Извинялся 3 минуты. Неловкость. Смех. Мир. Не PowerPoint. Жизнь.

39 лет пил кофе. Ни разу не пролил на чужие брюки. Всё

впервые. Всё правильно».

Он закрыл блокнот и лёг. В потолок. И впервые за многие годы уснул с улыбкой.

Глава 2

Берег Эроса

Эрмитаж. Февраль. 16:00.

Зал античной скульптуры пахнет камнем и временем. Мрамор здесь хранит холод тысячелетий, а тишина такая, что слышно, как дышат туристы. Марк стоял у статуи бога Эроса — в дальнем углу, куда почти не доходят экскурсии. У этой статуи были чуть стёртые крылья и улыбка, которая пережила две с половиной тысячи лет. Марк смотрел на неё и думал, что даже камень может улыбаться, если когда-то его создали с любовью.

Алиса стояла рядом. Смотрела на статую так, будто видела её впервые, хотя они приходили сюда уже трижды за последние две недели. Её пальцы лежали на холодном мраморе постамента, и Марк заметил, что она слегка улыбается. Не той улыбкой, которой улыбаются клиентам. Другой. Настоящей.

— Марк, — сказала она, не оборачиваясь, — я хочу уехать.

Марк моргнул. Его первая Сторге внутри привычно зашевелилась, готовая возразить: «Бюро, дела, график». Но он не дал ей слова.

— Куда? — спросил он.

— В Грецию. Туда, где он родился.

Марк посмотрел на статую, на её улыбку, на две с половиной тысячи лет, которые она простояла. Потом на профиль Алисы, на прядь волос, упавшую на лицо. И вдруг понял, что он тоже хочет уехать. Что его четвёртая функция, слабая и неуклюжая, вдруг зашевелилась и сказала: «Да. Иди. Не думай».

— В Грецию? — переспросил он.

— В Грецию.

— Когда?

— Сейчас. Телефон молчит. Дел нет. Мы заслужили. Двенадцать дней. Тур по побережью Эгейского моря.

Марк хотел сказать, что так нельзя, что у них нет плана,

что они не могут просто взять и уехать. Но он посмотрел на статую, на улыбку, которая не стёрлась за две с половиной тысячи лет, и сказал:

— Без PowerPoint?

— Без PowerPoint. Обещаешь?

— Обещаю.

Они стояли у статуи, и Марк достал телефон, и через десять минут у них были билеты. 1 марта. Афины. Двенадцать дней. Тур «Берег Эроса».

Алиса посмотрела на него, и в её зелёных глазах блеснуло что-то, что Марк не мог назвать иначе, как «жизнь».

— Марк, — сказала она. — Это оно.

Марк хотел сказать что-то умное, но вместо этого просто взял её за руку. И они стояли у статуи, пока гид не начал выводить группу. Им было всё равно.

1 марта. Суббота. 16:00. Афины.

Самолёт приземлился ровно в 13:42. Алиса проспала всё

четыре часа, уткнувшись в плечо Марка, и он не двигался. У него затекла рука и занемела шея, но он не пошевелился, потому что это было важнее. Когда Алиса проснулась и увидела его скованную позу, она засмеялась и сказала: «Ты опять не двигался». Он ответил: «Ты спала. Это было важнее». И она улыбнулась той улыбкой, ради которой он готов был терпеть всё что угодно.

В аэропорту их встретил гид. Невысокий, смуглый, с чёрными усами, в соломенной шляпе, с табличкой «BEREG EROSA TOUR» и улыбкой, в которой было слишком много зубов. Он представился Никосом и сказал:

— Добро пожаловать! Марк? Алиса? Я ваш гид на двенадцать дней. Мы едем в отель. Ужин в шесть. Знакомство с группой. Двенадцать человек. Завтра — Делос. Потом Санторини. Потом Крит. Потом Родос. Вы готовы?

— Готовы, — сказал Марк.

— Готовы! — повторила Алиса так, что Никос засмеялся.

Он посмотрел на них, на их руки, которые почти касались, и спросил с той же улыбкой:

— Вы муж и жена?

— Нет, — сказал Марк.

— Партнёры, — сказала Алиса. — По жизни.

Никос кивнул, слишком понимающе для гида, и повёл их к автобусу.

В автобусе было десять других туристов. Марк и Алиса сели сзади, у окна. Их руки на подлокотнике были рядом, но не соприкасались. Десять сантиметров — уже привычная дистанция, которая когда-нибудь должна была стать нулём.

Автобус ехал по Афинам. Мимо Акрополя, белых домов, олеандров. Солнце было тёплым и ярким, и Марк вдруг понял, что никогда не чувствовал себя таким лёгким. Даже когда Алиса снова уснула на его плече.

В 17:14 они остановились у отеля. Маленький, белый, с видом на Эгейское море, с террасой, увитой виноградом, с запахом жасмина и базилика. Марк вышел из автобуса и вдохнул этот воздух. Он пах Грецией. Тёплой, золотой, живой.

— Шерлок, — сказала Алиса, вдыхая полной грудью. — Чувствуешь? Эрос. Он в воздухе. В жасмине, в море, в солн-

це. Он везде.

Марк сделал ещё один вдох.

— Я чувствую жасмин, базилик, соль, розмарин и выхлопные газы от автобуса. Это странное сочетание.

Алиса фыркнула.

— Ты безнадежен.

— Но ты меня любишь.

— Это единственное, что спасает тебя, Шерлок.

Они засмеялись, и Никос, который стоял неподалёку, улыбнулся так, что зубов стало видно ещё больше.

В 18:00 был ужин. На террасе. С видом на море, которое уже начало золотиться в закатных лучах. Два стола по шесть человек. Марк и Алиса сели за один, с четырьмя другими парами.

Лариса и Борис из Москвы — лет по пятьдесят, уже серебряная свадьба. Лариса говорила, Борис кивал. Оксана и Гена из Казани — молодожёны, смеялись и целовались каж-

дые пять минут. Вера, одна, из Москвы, лет сорок пять, с книжкой, которую она не закрывала даже во время еды.

И Ирина с Артёмом.

Марк увидел их, когда они вошли на террасу. Ирина была маленькой, худой, с тёмными волосами, большими серыми глазами и робкой улыбкой, которая не касалась глаз. Артём — высокий, подтянутый, с приятным лицом и обаятельной улыбкой. Он держал Ирину за руку, и на первый взгляд они казались идеальной парой: он заботливый, она нежная.

Артём налил Ирине вино. Пододвинул тарелку. Поправил салфетку. Спросил: «Ирина, тебе удобно? Ирина, ты будешь десерт? Ирина, давай я закажу за тебя». Всё с улыбкой. Всё с заботой. Со стороны — идеальный муж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.